

УДК 94(470.47)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-11-19

ЦЫБАКОВ Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, профессор, кафедра государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России (Россия, Химки), e-mail: d413839@yandex.ru, SPIN-код: 9221-5863, Author ID: 470075

TSYBAKOV D.L., Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of State and Municipal Administration, The Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia (Russian Federation, Khimki), e-mail: d413839@yandex.ru

НАЧАЛО БОЕВОЙ СЛУЖБЫ 41-ГО ЕГЕРСКОГО ПОЛКА В СОСТАВЕ ОТДЕЛЬНОГО КАВКАЗСКОГО КОРПУСА. 1819–1826 ГГ.

THE BEGINNING OF COMBAT SERVICE OF THE 41ST JAEGER REGIMENT AS PART OF THE SEPARATE CAUCASIAN CORPS IN 1819-1826

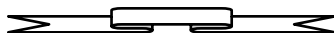
Аннотация. Цель статьи – исследование военных действий русской армии в начальный период Кавказской войны. Автор уделяет внимание актуальным вопросам комплектования и организации частей легкой пехоты отдельного Кавказского корпуса. Обобщаются сведения о вкладе генерала А.П. Ермолова в реорганизацию войск и их подготовку к ведению операций против иррегулярных формирований противника. Рассматривается проблема установления исторической связи между 41-м егерским полком и его преемниками из числа боевых частей отдельного Кавказского корпуса. Автором приводятся конкретные примеры боевых операций 41-го егерского полка в 1820–1826 гг. Делается вывод о произошедшей в короткие сроки адаптации егерских частей к специфическим условиям театра военных действий кавказско-горской войны XIX столетия.

Ключевые слова: Кавказская война, А.П. Ермолов, 41-й егерский полк, Орловский пехотный полк, П.Д. Горчаков, Отдельный Кавказский корпус, А.А. Авенариус.

Abstract. The purpose of the article is to study the military actions of the Russian army in the initial period of the Caucasian War. The author pays attention to topical issues of recruitment and organization of light infantry units of a Separate Caucasian Corps. The information about the contribution of General A.P. Ermolov to the reorganization of troops and their preparation for conducting operations against irregular formations of the enemy is summarized. The problem of establishing a historical connection between the 41st Jaeger regiment and its successors from among the combat units of the Separate Caucasian Corps is considered. The author gives concrete examples of combat operations of the 41st Jaeger Regiment in 1820-1826.

As a result, the author concludes that the adaptation of the jaeger units to the specific conditions of the theater of the Caucasus-Mountain war of the 19th century took place in a short time.

Keywords: Caucasian War, A.P. Ermolov, 41st Jaeger Regiment, Orel Infantry Regiment, P.D. Gorchakov, Separate Caucasian Corps, A.A. Avenarius.

©Цыбаков Д. Л., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

Появление егерей 41-го полка в составе отдельного Кавказского корпуса было прямо связано со стратегическим решением русского командования о переходе военных действий с горскими обществами в наступательную фазу, для чего по просьбе наместника Грузии А. П. Ермолова в его распоряжение передавались девять полков – пять пехотных и четыре егерских – из состава упраздняемого в 1818 году Экспедиционного корпуса во Франции. Еще одна часть – временно прикомандированный к Грузинскому корпусу 8-й егерский полк – также переводилась в корпусное подчинение. Важной причиной пополнения войск, расположенных в Кавказском регионе, был обнаруженный А. П. Ермоловым некомплект личного состава его частей, который достигал 27 тысяч человек [7, С. 23].

Понятие «Кавказская война» было впервые введено в научный оборот военным историком XIX столетия Р. А. Фадеевым [10, С. 3]. Однако наряду с ним использовался и термин «кавказско-горская война» и был широко известен в российской исторической науке до 1917 года. На наш взгляд, именно он наиболее верно и точно отражает содержание затяжного вооруженного конфликта, в который оказалась вовлечена Российская империя после столкновения ее интересов с архаичной традицией народов Северного Кавказа. Невозможность сосуществования имперской государственности и социумов, основой существования и жизнедеятельности которых с древнейших времен выступала военно-набеговая система, закономерно вызвала самый продолжительный по времени конфликт с участием российских вооруженных сил. Помимо борьбы с горскими обществами и с возникшим на их основе исламистским теократическим протогосударством Шамиля, Российской империи периодически приходилось вступать в противоборство и с регулярными армиями соседних государств –

Османской империи и Персии. Однако именно освоение отдаленного высокогорного ареала стало решающим фактором, определившим формат боевого применения русских войск и особую воинскую культуру частей отдельного Кавказского корпуса [11].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Театр вооруженной борьбы охватывал отнюдь не всю кавказскую цивилизацию, а преимущественно ее северный регион, периодически накладываясь на ареал других, конвенциональных войн России с сопредельными государствами, а также с коалицией мировых держав в период 1853–1856 гг. Таким образом, имеет смысл заключить, что в описываемое время на Северном Кавказе имела место не просто «Кавказская», а именно «кавказско-горская» война, активным участником которой стали боевые части – преемники Орловского пехотного полка первого формирования.

Одним из типичных представителей специфической субкультуры кавказского воинства суждено было стать 41-му егерскому полку, который под названием «Орловский пехотный полк» существовал с 1767 года. В свою очередь, с 1727 года эта часть существовала под наименованием «Орловский конный (с 1763 года – пеший) полк». До начала первой «екатерининской» войны с Турцией это формирование относилось к ландмилиции – учрежденному Петром I полурегулярному войску, набранному из бывших служилых людей – поселенных по степному приграничью во времена освоения Дикого поля мелкопоместных помещиков-однодворцев. В составе русской армии Орловский пехотный полк участвовал во всех судьбоносных событиях российской военной истории – Русско-турецких войнах 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812 гг., а также в экспедициях в Речь Посполитую в 1792 и 1794 гг. и Итальянском и Швейцарском походе

дах 1799 года. Во времена Павла I его неоднократно переименовывали в зависимости от смены персоны шефа, то есть покровителя и опекуна, этой воинской части. Отечественную войну 1812 года бывшие орловцы встретили в качестве легкой пехоты, именуясь «41-м егерским полком». По окончании оккупации Франции 41-й егерский полк оказался переведен в состав отдельного Грузинского/Кавказского корпуса. В течение 85 лет он и его преемники – Мингрельский егерский и 16-й Мингрельский гренадерский князя Димитрия Константиновича полки – несли службу в краю Кавказа, выступая типичным представителем особого неформального сообщества русской императорской армии.

Накануне передислокации 41-й полк состоял в 12-й пехотной дивизии, в рядах которой ему довелось сражаться во время Отечественной войны 1812 года и Заграничном походе. Подразделения егерей размещались в городе Като де Камбрези. Штаб-квартира соединения располагалась во французском Мобеже. Во главе дивизии пребывал генерал-лейтенант М. Д. Лисаневич, ранее служивший на Кавказе и спустя семь лет закончивший свои дни во время мятежа в крепости Герзель-Аул.

Выводу союзных войск из Франции предшествовал Ахенский конгресс сентября – ноября 1818 г., по резолюции которого поверженная страна восстанавливала свой суверенитет. Перед выступлением Русского оккупационного корпуса на Родину были проведены смотр его частей и маневры под Валансиеном, устроенные императором Александром I в присутствии австрийского и прусского монархов. Прибытие 41-го егерского полка на место новой дислокации состоялось спустя 11 месяцев после начала самого продолжительного за всю его историю непрерывного похода. За октябрь 1818 – октябрь 1819 гг. был пройден следующий маршрут: от французских городов Шато, Живе де Шарлемон и вошедшего в мировую военную историю Рокроа до грузинского Тифлиса. Во время трансконтинентального марша егеря

миновали Кельн, Варшаву и бывшие крепости бывшей Украинской укрепленной линии, где в минувшем столетии начался ратный путь Орловского конного ландмилицкого полка. Вступив в Дарьяльское ущелье, воины 41-го полка впервые преодолели опасное природное препятствие, каких в будущем им придется немало встретить в свою бытность в Кавказском крае, – на протяжении семи верст путь преграждал достигавший 100 сажень в высоту снеговой завал. В Тифлис егеря вступили 1 октября 1819 года.

Прибывшие в распоряжение проконсула Кавказа войска были задействованы в боевых операциях уже весной 1820 года, когда от снега открылись горные перевалы.

Однако, помимо участия в постоянных походах и боях с отрядами горских сообществ, 41-му егерскому полку пришлось вступить в череду реорганизаций и переформирований. На протяжении следующих месяцев отдельный Кавказский корпус ожидали крупные перемены в связи с принятием в свой состав большого количества вновь прибывших войск. Одной из наиболее острых и проблемных страниц в истории наследников ратного пути Орловского/41-го егерского полка продолжает оставаться вопрос преемственности между воинскими частями, которые могли бы претендовать на ведение старшинства от прославленной когорты российского воинства. Неразбериху и разночтения в научных трудах вызвали решительные и поспешные деяния А. П. Ермолова, который в ходе реформы отдельного Грузинского/Кавказского корпуса по собственному усмотрению, безо всякой оглядки на многолетнюю историю и боевые заслуги пытался весьма вольно перекроить кадровый состав и наименования заслуженных полков регулярной армии. Получив в 1819 году пополнение в лице частей, переведенных из Франции, наместник Кавказа предпринял комплексную ротацию вверенного ему личного состава, смысл и назначение которой и по настоящее время остаются понятны только ему самому.

С одной стороны, требовалось пополнить кавказские части не вновь призванными рекрутами и новоиспеченными офицерами, а испытанными ветеранами Наполеоновских войн. С другой стороны, следовало выводить из кавказских пределов неспособных к дальнейшей службе солдат, а также не удовлетворявших требованиям постоянной «малой войны» командиров. Кроме того, те части и тех воинских начальников, что имели в глазах Ермолова высокую ценность, он намеревался под любыми предлогами удержать под своим подчинением. Указ Александра I от 19 апреля 1819 года предписывал иметь в частях на Кавказе 3900 человек, включая 300 унтер-офицеров. Им же определялось, «...дабы избегнуть второй путь тем же войскам...», прислать назад (то есть в Европейскую Россию) кадры 11 полков, подлежащих замене. Таким образом, егеря 41-го полка по замыслу императора или его военных советников, только что прошедшие всю Европу, никак не должны были быть отправлены в новый изнурительный путь, будучи предназначены к службе именно в Кавказском крае.

Поэтому появились на свет несколько приказов командующего о передислокации и переименовании многих полков бывшего Грузинского корпуса. В одном из них предписывалось отправить кадры ряда полков (часть младших командиров, рядовых и нестроевых) в 1-ю армию на Украину: проводилась ротация с полками, прибывшими из Франции. В другом документе содержался приказ об обмене названиями между остающимися на Кавказе и покидающими состав отдельного корпуса воинскими частями.

Так, ряд историков полагают, что название «41-й егерский полк» досталось теперь ветерану Кавказской войны 17-му егерскому полку, который, согласно первому предписанию, должен был быть переведен в состав войск, дислоцировавшихся на Украине. Однако высказывалось предположение, что А. П. Ермолов не

отправлял 17-й полк в состав 1-й армии, а сохранил его в своем подчинении под новым наименованием. Его рапорт от 10 сентября 1819 года действительно упоминает о слиянии частей и переименовании одной части – Кабардинского полка – в Ширванский из-за трудностей его перевода из Грузии на Кавказскую линию [2, С. 10]. Выдвигается версия, что будто бы, не дождавшись ответа из Петербурга, командующий корпусом своим приказом от 4 ноября переименовал вновь прибывшие полки, предписав присвоить им названия старых кавказских частей.

Со страниц исторических работ отмеченная ошибка перекечевала в популярную литературу и различные электронные порталы и справочники. Однако результаты оценки мемуарных трудов современников, источников той эпохи и подробных научных изысканий приводят к выводу о том, что приказ Ермолова об обмене названиями воинских частей оказался на деле выполнен весьма избирательно, по крайней мере, точно не затронув дальнейшей судьбы заслуженного 41-го егерского полка. Так, в изданном в 1820 года «Расписании полкам по старшинству», в тексте которого официально закреплялись почести за прежние боевые заслуги, подтверждалась законность исполнения для егерей 41-го полка, присвоенного в 1799 году орловским мушкетерам «гренадерского боя» [8]. Закономерно, что указанное отличие едва ли было сохранено за полком, если бы он воспринимался не как наследник Орловского мушкетерского, а в качестве преемника 17-го егерского, также имевшего свою давнюю боевую летопись.

Годом спустя полковым командиром был подан рапорт о разрешении исполнения «гренадерского боя», который был удовлетворен с разъяснением о законной преемственности между Орловским мушкетерским и 41-м егерским полками [2, С. 20]. 1-й и 3-й батальоны егерей составили в 1834 г. 3-й и 5-й батальоны Мингельского полка, а 2-й был включен в со-

став Тифлисского егерского (позднее гренадерского) полка в качестве его 4-го батальона. За 3-м батальоном мингрельцев и 4-м батальоном тифлисцев «гренадерский поход» сохранялся и далее, ибо они считались продолжателями боевой славы Орловского пехотного/мушкетерского полка, однако остальные подразделения вновь созданной части его не получили. Спустя полвека штабные чины Петербурга, видимо ссылаясь на полузабытый и нереализованный приказ А. П. Ермолова, допустили еще одну оплошность, присвоив «гренадерский поход» 115-му пехотному Вяземскому полку, считавшемуся наследником 17-го егерского, старшинство которого от орловских мушкетеров никогда официально не признавалось.

Во многом запутывает ситуацию с переименованием полков, сложившуюся после инициативы А. П. Ермолова, приказ № 4331 от 11 мая 1825 года генерал-адъютанта Дибича, который предписывал вернуть воинским частям их наименование и старшинство. Как свидетельствует детально изучивший рассматриваемый вопрос дореволюционный исследователь Гизетти, с 1820 по 1825 год пехотные и егерские полки Кавказского корпуса на практике сохранили свои прежние наименования, и необходимости возвращать их на деле не было. По его мнению, основанному на документальных свидетельствах, в 1819 года имело место слияние вновь прибывших контингентов и кавказских «старожилов», причем полковые знамена были переданы переформированным полкам именно из частей, ранее состоявших в оккупационном корпусе во Франции.

Гизетти заключал, что и кадры, и знамена 11 полков, убывавших в 1-ю армию в Европейскую Россию, принадлежали «старым» кавказским частям. В их числе называется и 17-й егерский полк. Историк приходит к выводу, что Ермолов на деле в точности исполнил указ от 19 апреля 1819 года, и переименованию на деле подвергся только Кабардинский полк. В

принадлежащей его авторству «Хронологии кавказских войск...» приводится приказ командующего: «...кадры полков, возвращающихся в Россию, предлагаю ...наименовать теми же именами, под коими они должны быть в России» [2, С. 22].

В конечном итоге, прибыв в Закавказье, 41-й полк с 4 ноября 1819 года был включен в состав 20-й пехотной дивизии. С 20 мая следующего года вместе с 42-м егерским полком он составлял 3-ю пехотную бригаду 21-й пехотной дивизии отдельного Кавказского корпуса. 3-й бригадой 20-й, а позднее 23-й пехотной дивизии командовал генерал-майор К. К. фон Краббе. Во главе соединения в 1819–1820 гг. пребывал генерал-майор А. М. Теслев, смененный с мая 1820 года генерал-лейтенантом И. А. Вельяминовым.

В свою очередь, 17-й егерский полк в начале 1820 года был переведен в 26-ю пехотную дивизию в Белую Церковь. Кадры уходящих с Кавказа в Россию полков состояли из 12 унтер-офицеров, 96 рядовых, 12 ротных фельдфебелей и 12 ротных каптенармусов, половины всех барабанщиков и флейтщиков, всех музыкантов, мастеровых и нестроевых.

Определенная путаница воцарилась в наименованиях прибывших и уходящих частей в тот период, когда они короткое время совместно пребывали в составе отдельного корпуса. Произошла также смена полковых командиров, которыми на два-три месяца могли назначаться офицеры, занимавшиеся формированием убывающих команд. Так, подполковник Николай Иванович Лаппа 1-й, приняв 41-й полк в октябре 1819 года, уже 1 декабря того же года сдал его полковнику князю Петру Дмитриевичу Горчакову 2-му [6]. Затем Н. И. Лаппа 1-й отбыл вместе с кадрами 17-го егерского полка на Украину, где и командовал указанной воинской частью до 1828 года.

Последующие события доказывают, что переименование 41-го полка на самом деле не состоялось. Вновь прибывшие части вли-

лись в «старые» или объединились с таковыми с присвоением последним своих названий и передачей боевых знамен. Таким образом, 41-й полк, фактически во второй раз в своей истории, будучи сформирован заново, состоял теперь как из солдат и офицеров, прибывших из Франции, так и из егерей 17-го полка.

Гренадерские и карабинерные роты включались из состава прибывших частей и переводились в состав трех имевшихся полков резервной гренадерской бригады. Поэтому карабинерные роты всех трех батальонов 41-го и 17-го полков вошли в состав 7-го карабинерного полка, ведшего свое происхождение от егерских частей Кубанского егерского корпуса, существовавшего с 1780-х гг. Карабинерами в указанный временной период именовались ударные подразделения егерских частей, ранее называвшиеся гренадерскими.

О сохранении преемственности кадрового состава 41-го полка свидетельствуют воспоминания Иосифа Дубецкого, служившего во Франции в этой воинской части юнкером. Прodelав в ее рядах поход 1818–1819 гг., по прибытии на Кавказ он получает должность полкового адъютанта. При этом в его мемуарах не содержится и намек на преобразование 41-го полка в 17-й егерский. Зато И. Дубецкий упоминает о последующей службе в рядах различных частей на Кавказе егерей-ветеранов 41-го полка, имевших награды за кампании 1812 и 1814 годов. По его сообщениям, полковая штаб-квартира 41-го егерского полка размещалась в селении Квемах, расположенном в грузинской области Самхетия. Полковым командиром был назначен полковник князь Петр Дмитриевич Горчаков, при котором И. Дубецкий состоял полковым адъютантом [4, С. 115–118].

П. Д. Горчаков в последующем будет управлять Имеретией и Абхазией, где его решительные меры против мятежной знати заслужат доверие Ермолова, назначившего

полковника командиром 22-й пехотной дивизии и Кавказским областным начальником. В дальнейшем Петр Горчаков примет участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и многие годы будет управлять Западно-Сибирским генерал-губернаторством. Свои дни он завершит в 1868 году на посту члена Государственного совета и в звании генерала от инфантерии.

Первой боевой операцией 41-егерского на Кавказе стал поход в Казикумухское ханство в марте 1820 года. Южный Дагестан составляли феодальные владения, основание которых в литературе связывали с временами арабского либо же ордынского владычества, когда завоеватели определили статус покоренных племен и учредили для них титулы вассальных династий – уцмиев, мейсумов, кадиев. Сюзереном для всех них являлся шамхал или валий, претендовавший на номинальное владение над всем Дагестаном. Местом пребывания последнего являлся Кумух. Вплоть до 1820-х годов здесь правил Сурхай-хан, в течение двух десятков лет чередовавший служение империи с изменами принесенной русскому царю присяге. Первая же попытка повторить подобную авантюру при правлении А. П. Ермолова обернулась для мятежного владельца неизбежной катастрофой.

19 января 1820 года была опубликована весьма лаконичная прокламация кавказского наместника о лишении Сурхай-хана прежних полномочий. Все права властвования отныне передавались верному России племяннику изменника Аслан-хану Кюринскому, императорским указом возведенному одновременно и в достоинство казикумухского правителя.

В предпринятом против Сурхай-хана походе принял участие батальон 41-го егерского полка, включенный в отряд генерала, Валериана Мадатова и состоявший в колонне под началом майора Жиленкова. После высокогорного перехода и форсирования полноводной реки Самур русские войска и союзная лез-

гинская конница Аслан-хана Кюринского разгромили неприятеля и заняли селение Хозрек. В качестве трофеев победителям достались 11 знамён и две тысячи ружей; 600 мятежников было взято в плен [1, С. 651–678].

Умиротворение Кази-Кумуха завершилось в кратчайший срок, заняв не более двух недель, вопреки опасениям ермоловского штаба относительно возможности затяжной и упорной борьбы с воинственными жителями ханства. В дальнейшем именно казикумухское ополчение выступало наиболее боеспособным и стойким союзником русской армии в войне с имамом Шамиля на протяжении 1830–1850-х гг. Пока батальон 41-го полка участвовал в наведении порядка в Кази-Кумухе, его командир полковник П. Д. Горчаков усмирал восстание, поднятое дворянством Имеретии.

Основные подразделения егерей в последующем были размещены в Ширванской провинции со столицей в летописной Шемахе. На протяжении шести лет после экспедиции генерала В. Мадатова Дагестан оставался в состоянии относительного покоя, время от времени прерываемом отдельными возмущениями вроде мятежа Аммалат-Бека, описанного в одноименной повести ссыльного декабриста рядового 41-го егерского полка Александра Бестужева-Марлинского.

До 1825 года подразделения 41-го полка были рассеяны по всему Закавказью: полковая штаб-квартира находилась в селении Квемах, один батальон – в Ширванской провинции, где он оставался после похода на Казикумухское ханство. Две роты егерей в 1823 году были переведены оттуда в Дербент, ещё один батальон размещался в урочище Гергеры. К 1825 году полк передислоцируется в селение Белый Ключ, или Белый Родник (много позднее переименованное грузинами в Тетри-Цкаро), основанное по приказу Ермолова именно в качестве места для расквартирования русских войск. Назва-

ние поселению, по преданию, было дано от родника, который позднее был обустроен русскими солдатами и получил украшение в виде четырех обрамляющих его по краям выбеленных столбов.

Уже в 1821 году 41-й полк получил нового командира: вместо получившего повышение П. Д. Горчакова, которого Ермолов характеризовал как «офицера храброго, расторопного и хороших способностей», егеря поступили в подчинение подполковнику Александру Андреевичу Авенариусу. Последний был близок к заговорщикам из «Союза благоденствия», оказался упомянут в правительственных донесениях и переведен на Кавказ под секретный надзор [3, С. 5]. Предписание об учреждении наблюдения за своим подчиненным Ермолов благополучно спустил на тормозах, аттестовав его «офицером усердным, исполнителем безмолвным и командиром полка из числа наилучших». Следствие по делу о выступлении декабристов его не коснулось, и А. А. Авенариус, за два года командования егерями получивший чин полковника, принял участие в наступившей Русско-персидской войне и оставался командиром 41-го полка вплоть до конца своих дней в 1828 году.

Основной зоной военной активности отдельного корпуса вскоре становится Кавказская линия. В 1825 году для 41-го егерского полка завершился период относительного покоя с эпизодическим участием в военных действиях, после чего его подразделения уже не выходили из боев и походов до самого окончания Кавказско-горской войны.

Эпицентром жестоких боёв летом и осенью 1825 года стали предгорья Чечни и Сунженская линия. Здесь быстро распространилось мятежное движение во главе с имевшим чин поручика русской армии Бей-Булатом Таймиевым. Впервые за семь лет пребывания А. П. Ермолова кавказским наместником неприятелю удалось захватить в июле 1825 года русское укрепление – селение

Амир-Аджи-Юрт [9, С. 122–133]. В кампании зимы 1825–1826 гг. предположительно могли принимать участие один или два батальона 41-го полка. Если верить П. М. Сахно-Устимовичу, один из них находился непосредственно в главном отряде Ермолова, второй – был поротно распределен по гарнизонам расположенных по Тереку и Сунже крепостей. По свидетельствам самого командующего отдельным Кавказским корпусом, в походе по замирению Чечни зимы 1825 – весны 1826 года принимал участие только один 2-й батальон 41-го егерского полка [5]. Потери русского отряда в зимнем и в весеннем походах 1826 года были сугубо символическими по сравнению с кровопролитным и зачастую бессмысленными экспедициями и набегами на горцев периода 1830–1840-х гг. Эффект от последнего военного предприятия А. П. Ермолова заключался в том, что во время грянувших вскоре Русско-персидской и Русско-турецкой войн и долгое время после их окончания прежде мятежные земли не отвлекли ни единого солдата с главного театра борьбы за Закавказье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Появление егерей 41-го полка в составе отдельного Кавказского корпуса было прямо связано со стратегическим решением русского командования о переходе военных действий с горскими обществами в наступательную фазу. Прибыв в Тифлис в октябре 1819 года, 41-й егерский полк в короткое время приобрёл весомый опыт в условиях новой для себя горной войны, впоследствии заслужив репутацию одной из самых боеспособных частей отдельного Кавказского корпуса.

Библиография / References:

1. Белозерская Н.А. Записки Ван Галена //

Исторический вестник. – 1884. – №5. – С. 402–419; №6. – С. 651–678.

2. Гизетти А.Л. Хроника кавказских войн: Часть I. – Тифлис: Издательство Военно-исторического отделения при Штабе Кавказского военного округа, 1896. – 596 с.

3. Декабристы. Биографический справочник / под ред. М.В. Нечкиной. – М.: Наука, 1988. – 450 с.

4. Дубецкий И.П. Записки Иосифа Петровича Дубецкого // Русская старина. – 1895. – Том 83. – №4. – С. 113–144.

5. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. – М.: Высшая школа, 1991. – 462 с.

6. Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков Русской армии (1796–1855 гг.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/shefcom_b.htm (дата обращения: 07.10.2023).

7. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Том 2-й. Ермоловское время. – СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1887. – 780 с.

8. Расписание 164 пехотных полков, с показанием старшинства и знаков отличия, которые должны быть им присвоены. – СПб.: Военная типография, 1884. – 160 с.

9. Сахно-Устимович П.М. Описание Чеченского похода 1826 года / А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 122–123.

10. Фадеев Р.А. Шестидесять лет Кавказской войны. – Тифлис: Военно-походная типография Главного Штаба Кавказской Армии, 1860. – 159 с.

11. Филиппсон Г.И. Воспоминания с 1809 по 1847 год. – М.: Кучково поле, 2019. – 416 с.

1. Belozerskaya N.A. (1884) Zapiski Van Galena [Notes of Van Galen // Historical Bulletin] // Istoricheskiy vestnik. – №5. – S. 402–419; №6. – S. 651–678. (In Russ.).

2. Gizetti A.L. (1896) Khronika kavkazskikh voysk [Chronicle of the Caucasian troops]: Chast' I. – Tiflis: Izdatel'stvo Voenno-istoricheskogo otdeleniya pri Shtabe Kavkazskogo voyennogo okruga. – 596 s. (In Russ.).
3. Dekabristy. Biograficheskiy spravochnik [Decembrists. Biographical reference book] / pod red. M.V. Nechkinoy. – M.: Nauka, 1988. – 450 s. (In Russ.).
4. Dubetskiy I.P. (1895) Zapiski Iosifa Petrovicha Dubetskogo [Notes of Joseph Petrovich Dubetsky] // Russkaya starina. – Tom 83. – №4. – S. 113–144. (In Russ.).
5. Zapiski A.P. (1991) Yermolova [Ermolova]. 1798–1826gg. – M.: Vysshaya shkola. – 462 s. (In Russ.).
6. Podmazo A. Shefy i komandiry regul'yarnykh polkov Russkoy armii [Chiefs and commanders of regular regiments of the Russian Army] (1796–1855gg.). [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa – svobodnyy. – URL: http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/shefcom_b.htm (data obrashcheniya: 07.10.2023). (In Russ.).
7. Potto V. (1887) Kavkazskaya voyna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh [The Caucasian War in individual essays, episodes, legends and biographies]. Tom 2-y. Yermolovskoye vremya. – SPb.: Tipografiya Ye. Yevdokimova. – 780 s. (In Russ.).
8. Raspisaniye 164 pekhotnykh polkov, s pokazaniyem starshinstva i znakov otlichiya, kotoryye dolzhny byt' im prisvoyeny [Schedule of 164 infantry regiments, showing the seniority and insignia that should be assigned to them]. – SPb.: Voennoy tipografiya, 1884. – 160 s. (In Russ.).
9. Sakhno-Ustimovich P.M. (1980) Opisaniye Che-chenskogo pokhoda 1826 goda [Description of the Chechen campaign of 1826] / A.S. Griboyedov v vospominaniyakh sovremennikov. – M.: Khudozhestvennaya literatura. – S. 122–123. (In Russ.).
10. Fadeyev R.A. (1860) Shest'desyat let Kavkazskoy voyny [Sixty years of the Caucasian war]. – Tiflis: Voenno-pokhodnaya tipo-grafiya Glavnogo Shtaba Kavkazskoy Armii. – 159 s. (In Russ.).
11. Filipson G.I. (2019) Vospominaniya s 1809 po 1847 god [Memoirs from 1809 to 1847]. – M.: Kuchkovo pole. – 416 s. (In Russ.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 07.08.2023

Поступила после рецензирования (Revised) 25.10.2023.

Дата выхода в свет 29.12.2023